

УДК 340.15

DOI: 10.25688/2076-9113.2021.44.4.02

М. П. Беляев

Правовая категория толерантности в конституционных актах Священной Римской империи

Идея толерантности берет свое начало в эпоху Реформации и конфессионализации. В статье рассмотрено развитие правовой категории толерантности от М. Лютера и Аугсбургского религиозного мира 1555 года до Вестфальского мира 1648 года. Правовая категория толерантности нашла свое отражение в этих важнейших конституционных актах Священной Римской империи. В нормах этих договоров были найдены формулы межконфессионального компромисса.

Ключевые слова: Аугсбургский религиозный мир; плюрализм; конфессия; толерантность; Вестфальский мир.

Идея толерантности, получившая сегодня столь широкое распространение на Западе, берет свое начало в эпоху Реформации и конфессионализации. Именно в XVI–XVII веках начали складываться основные идеалы западного общества: права человека, свобода, демократия, рыночная экономика, свобода совести, отделение церкви от государства [1, с. 51].

Священная Римская империя (далее — Империя) была в историческом прошлом Европы уникальным государственным образованием, просуществовавшим чуть более тысячи лет. Государственная организация Империи отвечала средневековой концепции христианской универсальной монархии. По мнению ряда немецких исследователей истории права, Империя не имела конституции как закона в формальном смысле. Имперская конституция основывалась преимущественно на обычном праве. Наряду с этим, конституционно-правовое регулирование осуществлялось в виде многих законов, договоров и имперских привилегий [1, с. 21–22, 24]. Важнейшими конституционными актами являлись Аугсбургский религиозный мир 1555 года и Вестфальский мир 1648 года, состоящий из Мюнстерского и Оснабрюкского мирных договоров.

В период религиозного раскола в Империи, накануне и во время Тридцатилетней войны, особое место занимает идея межконфессиональной толерантности. Понятие «толерантность» (*лат.* Tolerantia) буквально означает «терпимость к чужим мнениям и верованиям». В более широком смысле толерантность означает форму отражения в общественном сознании объективного существования множественности (плюрализма) культур, способов

и стилей жизни, разных моделей и концепций понимания мира и места человека в нем. Толерантность предполагает, что субъекты взаимодействия, сохраняя свою независимость и автономию, не должны ограничивать свободу других, осознавая и признавая их самобытность и самоценность, уважая их право выбора, право быть иными, непохожими и даже противоположными в своих предпочтениях, интересах, привычках, верованиях, которые, впрочем, не должны противоречить самой идее толерантности. В каноническом праве толерантность рассматривали как составляющую терпения, выдержки и отношение к предмету, не всегда вместе с тем одновременным его одобрением и признанием [1, с. 41–42].

Яркий представитель своей эпохи, юрист-международник Г. Гроций (1583–1645) часто апеллировал к соборным законам, выбранным из законов божественных. Тогда средневековая христианская нравственная теология чрезвычайно сильно влияла на политику и право европейских государств. Теология и вопросы религиозной свободы занимали видное место среди научных интересов Гроция. В своих трудах он определял толерантность (*mutua tolerantia*) как первый шаг на пути достижения религиозного консенсуса, то есть Г. Гроций придерживался средневековой методологии, которая заключалась в том, что божественное право (*ius divinum*) и естественное право (*ius naturale*) составляли нераздельное целое [1, с. 41].

Существуют три аспекта толерантности. Во-первых, это политическая терпимость меньшинства, акт признания, но всегда также подчинения. Во-вторых, свобода совести как идея, выдвинутая М. Лютером для обозначения освобождения сознания в вере в Евангелие. Впоследствии она стала правом исповедовать свою веру без внешних ограничений. В XVI веке это понятие сохраняло внутриконфессиональное содержание. И, в-третьих, толерантность как согласие, целью которого была защита религиозного, политического и национального единства. Идеал гармонии включал в себя богословский, конфессиональный, политический и социальный элементы. Он развивался одновременно с религиозным расколом. Император Карл V объявил в 1530 году, что его план заключается в объединении в Империи для воссоединения христианского мира. Лютер отделял согласие в вере, которое считается существенным, от дружественного согласия, целью которого является достижение политического согласия [4, р. 475–476].

Проблема толерантности в Империи исключительно связывалась с конфессиональной проблематикой. Борьба за реализацию идеи толерантности как предпосылки свободного отправления религиозных культов представляет собой один из аспектов, взаимосвязанных с более важной проблемой той эпохи — проблемой плюрализма. В эпоху конфессионализации под плюрализацией общественной жизни понимались процессы расширения, дифференциации и быстрого обновления политического порядка, идеологии, религии, знаний, представлений и правовых норм. Такие процессы для того периода почти всегда были связаны с общественными катаклизмами и представляли

для современников, правящей верхушки и носителей идеи плюрализма большие трудности. Часто в таких мыслях и представлениях переплеталось старое и новое, но достаточно редко возникали идеи, приводившие общество к согласию. В социумах, где плюрализм оказывался угрозой для общества, толерантность выступала решением проблемы. И до настоящего времени эта мысль не потеряла своей актуальности не только для решения внутригосударственных (и далеко не теологических!) противоречий, но и на международной арене.

Анализируя категорию плюрализма с философско-правовых позиций, необходимо подчеркнуть, что сегодня плюрализм интерпретируется преимущественно как общественно-политическое понятие, отражающее взаимодействие эмпирических и нормативных элементов. Нормативное содержание плюрализма выражается в том, что разносторонность и различия признаются и одобряются; общественные группы при всех своих функциональных различиях имеют равные права для собственного свободного развития. Под плюрализмом в широком смысле следует понимать не только разносторонние, но и равнозначные, одинаковые и противоположные относительно природы или социума элементы, лишённые высшего организующего принципа — принципа единства. Плюрализм важен как структурный элемент свободной государственно-правовой демократии. Именно поэтому категории плюрализма и толерантности характеризует один и тот же феномен, но с разных точек зрения. В то время как плюрализм выдвигает множественность равноправных свободных групп, толерантность означает действенность и гарантии свободы других [1, с. 44–45].

В период раннего Нового времени распространённой в обществе была принципиальная религиозная нетерпимость, которая сопровождала конфессиональный раскол и определяла взаимоотношения лидеров конфессий. Определённое влияние на общие, а не только теологические процессы в обществе имела гуманистическая концепция мира Эразма Роттердамского — мыслителя, гуманиста, филолога эпохи Возрождения (1469–1536), который сыграл большую роль в подготовке Реформации. Предпринимались попытки урегулировать конфессиональные отношения. В текстах Аугсбургского религиозного мира 1555 года можно найти начала категории толерантности. Религиозная нетерпимость угрожала свободному развитию предпринимательства и торговли. Во Франции принципу «одна вера, один закон, один король» противопоставлялась цивилизованная (гражданская) толерантность, строго разделяющая государственный и религиозный интересы. Одновременно реализовывалась и немецкая историческая практика толерантности: сосуществование различных конфессий в имперских городах и территориях [1, с. 45].

Эти исторические, социальные и правовые предпосылки развития категории толерантности способствовали перемещению центра тяжести общественной мысли из теологической области в сферу светской правовой и политической идеологии. Если связывать во временном аспекте появление категории толерантности с Аугсбургским религиозным миром, необходимо отметить,

что до середины XVI века она находилась в стадии становления. Известно, что одним из первых в Новое время понятие «толерантность» (*tolerantia*) использовал Мартин Лютер (1483–1546), инициатор немецкой Реформации, в своем ответе на попытки закрепить в решениях Регенсбургского рейхстага 1541 года идею теологического согласия католиков и протестантов. В противовес концепции, навязываемой рейхстагом, истинная суть которой заключалась в продолжении ведущей роли римско-католической церкви, Мартин Лютер в своем письме от 12 июня 1541 года предлагал уладить существующие противоречия путем правовых гарантий, терпимого отношения католиков и протестантов к позициям сторон на долгие времена [1, с. 46].

Действительно, целью Римско-католической церкви и императора было достижение согласия (*concordia*) конфессий. Именно это понятие, *concordia*, как никакое другое, отражало основную проблему XVI века: с одной стороны, было потеряно реальное единство, а с другой — возникал реальный раскол. При этом уже не оставалось ни политических, ни ментальных аргументов в арсенале противоборствующих сторон. Реалии существования идей *concordia* и толерантности требовали определенного восприятия раскола во имя жизнеспособности толерантности. При укреплении же идеи *concordia*, в традиционном для католицизма смысле, толерантность становилась немислимой и неэффективной. В условиях, сложившихся к середине XVI века, Мартин Лютер предложил расчленение толкования *concordia* на два понятия. Он разделил его на *concordia fidei* (согласие веры) и *concordia caritatis* (согласие уважения). Последнее именно и было целью Лютера [Там же, с. 46].

Эта дифференциация Мартина Лютера была в определенной степени основополагающей для непринятия политического мира по образцу Римско-католической церкви в условиях витающего в воздухе межконфессионального конфликта. Таким образом, была достигнута важная предпосылка, которую можно определить как принципиальную готовность к уважению инакомыслия и восприятию категории толерантности. При этом снова на историческую авансцену вышли парадоксы: реалии напряженности и противостояния в политической жизни общества сделали жизнеспособной категорию толерантности. В такой обстановке Аугсбургскому религиозному миру как образцу договорного права, содержащего нормы правового регулирования конфессионального раскола, придавалось особое значение категории толерантности. Он сыграл большую роль в правовом регулировании проблем межконфессиональных противоречий. При возникновении патовых ситуаций в отношениях между конфессиями правовые нормы оказывались все более эффективными. Это давало основание некоторым современникам Аугсбургского религиозного мира рассматривать его как своеобразную конституционно-правовую гарантию верующим [Там же, с. 46–47].

Но нельзя сказать, что Аугсбургский религиозный мир стал отправной точкой для развития толерантного мышления. Известно, например, что еще задолго до его подписания некоторые имперские князья из числа протестантов

предоставляли полную свободу своим подданным в личном выборе веры, что вызывало естественное осуждение и противодействие со стороны католического большинства, в частности в рейхстаге. Скорее всего, именно этот побудительный мотив способствовал законодательному закреплению нормы *jus emigrationis* (право эмиграции), которая давала право менять по религиозным соображениям место жительства путем переезда как внутри Империи, так и за ее пределы. Но этот путь отвечал скорее идее *concordia fidei*, по ее определению Лютером, и совпадал с идеологией католической церкви, а не с идеями толерантности. Идеологи *jus emigrationis* считали, что там, где в стране разобщены религии, там и нестабильный мир. В тот период достаточно сильным было еще убеждение о несовместимости конфессионального раскола и мира [1, с. 47].

Желание католической церкви избавиться от протестантов путем предоставления им права эмиграции из католических территорий способствовало дальнейшему целенаправленному совершенствованию имперского законодательства. Речь идет о закреплении в Аугсбургском религиозном мире исключительно важной нормы о том, что подданные, решившиеся на эмиграцию по религиозным мотивам, осуществляют это «под гарантией сохранения их собственности и права выкупа из крепостной зависимости». Эту норму, с учетом всех ее реальных ограничений на практике, немецкий исследователь Геклер вполне обоснованно определил как первое основное общее право, которое Империя гарантировала каждому немцу путем закрепления его в законодательстве. Известный немецкий исследователь Вестфальского мира Ф. Дикманн очень метко заметил взаимосвязь политики государства и категории толерантности. Он отмечал, что «мысль об обязанности государства быть толерантным возникла не с собственно категории толерантности, а с соперничества двух крупных конфессий» [Там же, с. 48].

Имперская политика XVI–XVII веков испытала мощное влияние не только католической церкви, но и зарождавшегося протестантизма. Принятие имперских законов и во многом осуществление имперской политики, в том числе и в международной сфере, находились под мощным конфессиональным влиянием. Единственно возможным путем достижения мира было вынужденное принятие и реализация идеи толерантности. Немецкий ученый Райнхарт Козеллек подчеркивал, что в период западноевропейского абсолютизма толерантность «была, как известно, единственным способным к развитию решением конфессионального конфликта» [Там же, с. 48].

Складывающийся внутриимперский правопорядок, а также отношения императора с территориями, где преобладало протестантское население, свидетельствовали о все возрастающей доминанте толерантности как одной из важных предпосылок мира в Империи. На использовании этого феномена фактически был построен весь комплекс предложенного Аугсбургским религиозным миром 1555 года решения конфессиональной проблемы, подтвержденного и закрепленного Вестфальским миром. По образному выражению немецкого

ученого В. Шульце, один раз увиденные, даже если и неоткрытые, двери свободы вероисповедания оказались широкими воротами к долгожданному принципу конфессионального объединения территорий. В этой связи категория толерантности оказывалась действенным рычагом не только для достижения мира внутри Империи, но и для самого ее существования [1, с. 49].

Право правителя определять религию на своей территории, его высшая власть в этом вопросе, становится его обязанностью защищать истинную веру как неотъемлемую часть княжеской власти, стремящейся к абсолютизму. В рамках территориализма верховенство одной религии основано на всеобщей ответственности правителя. Впоследствии этот принцип политического порядка отстаивался протестантскими учеными в области конституционного права, но позже был принят и их авторитетными католическими коллегами [5, S. 5].

Убежденность в спасительности идеи толерантности в Империи формировалась у многих прогрессивных современников и очевидцев в преддверии Тридцатилетней войны не только на отечественных, но и на зарубежных примерах: отсутствие толерантности привело к турецкой войне 1604 года; инквизиция иезуитов в Польше против сторонников свободы вероисповедания была связана с массовыми репрессиями и т. д. Уважение к другим конфессиям рассматривалось все чаще не только как необходимое решение, но и как единственная предпосылка мира в Империи. Иными словами, толерантность как философская и мировоззренческая категория постепенно трансформировалась в категорию философско-правовую и политическую. Она стала необходимым условием цивилизованного диалога культур, религий, государств, существования межкультурного пространства. Более того, категория толерантности в Империи подкреплялась в определенной степени гарантиями, достигнутыми как в процессе международного общения, так и закрепленными в договорах. Речь идет прежде всего об Аугсбургском религиозном мире 1555 года и Вестфальском мире, подписанных представителями монархов и имперских чинов с намерением достичь, кроме всего прочего, желаемого баланса в межконфессиональных отношениях как внутри Империи, так и за ее пределами [1, с. 49].

После опустошительной Тридцатилетней войны усилилось стремление к миру. Изменения в правосознании, новое понимание богословского вопроса об истине и государственного интереса, который предполагал разумный компромисс в случае конфессионального конфликта, понимание конституции как нейтрального порядка по отношению к конфессиональным отношениям, которая защищала от религиозной войны, называя государство светским юридическим сообществом, приверженность мирскому общему благу — все эти руководящие идеи Нового времени способствовали заключению мира в Империи [5, S. 5].

Толерантность как правовая категория нашла вполне логично заметное отражение в документах Вестфальского мира, который определил на долгие десятилетия правовой порядок в Империи. Этот мир представляет собой в истории развития толерантности очень важный шаг вперед, который

не должен недооцениваться. Под толерантностью в то время понималась свобода вероисповедания, свобода совести каждого человека, имеющего право выбирать свое вероисповедание и публично пользоваться им. Однако следует подчеркнуть, что эта проблема оценивается историками неоднозначно. В XVIII веке ученые-конституционалисты считали религиозные права, закрепленные Вестфальским миром, совместимыми с идеей терпимости, получившей распространение в эпоху Просвещения. Однако в 1648 году для участников договора индивид не был, по мнению немецкого историка Конрада Репгена, в центре внимания при рассмотрении вопросов политической организации государства и религиозных прав. Предполагалось лишь мирное сосуществование трех крупных церквей (католической, лютеранской и кальвинистской), положение которых должно быть закреплено юридически межконфессиональным соглашением, обязательным для протестантов и католиков. Участники переговоров не всегда могли следовать четко определенным принципам. Напротив, им приходилось постоянно подвергать их сомнению, поскольку необходимость заключения мира и сложившаяся политическая ситуация требовали от них компромисса. Найденные формулы компромисса были вызваны сложностью политических и конфессиональных реалий в Империи. Поэтому неудивительно, что в Вестфальском мире нет общей идеи или концепции религиозного и гражданского мира, а есть скорее решения конкретных практических проблем, которые были вызваны политическим и религиозным антагонизмом между различными конфессиями [1, с. 42; 3, р. 230–231].

Практически вопрос религиозных приоритетов отступил на задний план перед необходимостью решения проблем выживания, самосохранения и правопорядка. Кроме этого, имперские чины, служившие Империи, консолидировались настолько тесно, что они выиграли для себя достаточное политическое поле деятельности, чтобы осуществлять в пределах своих территорий особое правовое регулирование отношений с религиозными меньшинствами. По сравнению с Аугсбургским религиозным миром новые положения Вестфальского мира сократили конфликтный потенциал и обеспечили правопорядок для князей и их подданных [1, с. 43; 6, S. 452].

Идея толерантности нашла свое отражение в Оснабрюкском договоре. В нем слово «толерантность» на латыни встречается дважды, наряду с другими словами с аналогичным значением. В дополнение к публичному или частному отправлению обрядов было предусмотрено право на исповедание без вмешательства священника. Немецкий государствовед XVIII века И. Я. Мозер считал свободное отправление религиозного обряда основным индивидуальным правом каждого немца. Эта форма с правом присутствовать на массовых мероприятиях на соседней территории была воспринята протестантскими депутатами и в принципе была разрешена, даже если она не соответствовала статус-кво 1624 года. Но та же статья Оснабрюкского договора (IPO V, § 34, 36 и 37) предоставляла князю право высылать соответствующих лиц, что противоречило первоначальным требованиям протестантских представителей

на Вестфальском конгрессе. Весной 1652 года католический магистрат имперского города Кельн обнародовал указ, предписывающий всем его лютеранским подданным покинуть город в течение пяти лет. В конфессиональной реальности после 1648 года осуществление права подданных на эмиграцию и права политической власти на их высылку значительно перевешивало право на домашнее отправление обрядов. Тем не менее Вестфальский мир подготовил условия для возникновения и развития идеи терпимости в той степени, в какой это способствовало правовому урегулированию религиозных проблем. По крайней мере, происходило умиротворение возникающих конфессиональных страстей. Но, увековечивая конфессиональные границы, унаследованные от XVI века и начала XVII века, строгое применение статус-кво, установленное в 1648 году, подрывало религиозную терпимость. Сохранялась проблема признания всех конфессиональных общин, которые не были упомянуты в Оснабрюкском договоре, о чем указывали некоторые немецкие юристы во второй половине XVIII века. Поэтому связь между Вестфальским миром и прогрессом терпимости в Империи неоднозначна [3, p. 231–232; 6, S. 452].

Прогресс идеи толерантности не должен связываться только с государством или политической системой Нового времени. По мнению ученых, например Юста Липсиуса, в XVI и XVII веках современные им государства не терпели религиозных меньшинств и стремились установить или восстановить религиозное единство. В этом отношении имперская конституция может показаться ретроградной в той мере, в которой она допускает конфессиональный плюрализм. Категория толерантности тогда стала эффективной предпосылкой не только межконфессионального согласия, но и мира в Империи и Европе в целом [1, с. 50; 3, p. 232–233].

С точки зрения отношения к проблеме межконфессионального толерантного сосуществования вызывает интерес позиция курфюрста Бранденбурга Фридриха Вильгельма (1620–1688). Значительное место в его политике на Вестфальском мирном конгрессе занимало урегулирование религиозного вопроса, ведь бранденбургское общество носило многоконфессиональный характер. Свобода вероисповедания стала основой религиозной политики Фридриха Вильгельма [1, с. 50; 2, с. 230, 232].

Таким образом, категория толерантности, получившая закрепление в важнейших конституционных актах Священной Римской империи, нашла свое отражение в свободе вероисповедания и свободе совести индивида, имеющего право выбирать себе вероисповедание и публично пользоваться им. В то же время эти свободы были определены только трем конфессиям (католики, лютеране, кальвинисты). Предполагалось мирное сосуществование лишь между этими тремя крупными церквями, положение которых было закреплено основными имперскими актами. Поэтому категория толерантности носила в то время ограниченный характер.

Литература

1. Дмитрієв А. І. Вестфальський мир 1648 року і сучасне міжнародне право. Київ: Ін-т держави і права ім. В. М. Корецького НАН України; Київський університет права, 2001. 426 с.
2. Социальные связи и их трансформация в Западной Европе XVII века: коллективная монография / отв. ред. С. А. Васютин, О. В. Ким. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2014. 733 с.
3. Braun G. Les traités de Westphalie comme paix confessionnelle: ébauche de l'idée moderne de tolérance? // Revue d'histoire diplomatique. 2009. № 3. P. 215–239.
4. Gantet C. Une paix religieuse en 1648 // Bulletin de la Société de l'Histoire du Protestantisme Français. 1998. № 1/2. P. 471–488.
5. Link C. Die Bedeutung des Westfälischen Friedens in der deutschen Verfassungsentwicklung: Zum 350jährigen Jubiläum eines Reichsgrundgesetzes // Juristen-Zeitung, 1998. № 1. 9 Januar. S. 1–9.
6. Schmidt G. Der Westfälische Friede als Grundgesetz des komplementären Reichsstaats // 1648: Krieg und Frieden in Europa. Bd. 1. Münster: Bruckner, 1998. S. 447–454.

Literatura

1. Dmitriev A. I. Vestfal's'kij mir 1648 roku i suchasne mizhnarodne pravo. Kuiv: In-t derzhavi i prava im. V. M. Korecz'kogo NAN Ukraïni; Kiïvs`kij universitet prava, 2001. 426 s.
2. Social'ny'e svyazi i ix transformaciya v Zapadnoj Evrope XVII veka: kolektivnaya monografiya / отв. red. S. A. Vasyutin, O. V. Kim. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2014. 733 s.
3. Braun G. Les traités de Westphalie comme paix confessionnelle: ébauche de l'idée moderne de tolérance?? // Revue d'histoire diplomatique. 2009. № 3. P. 215–239.
4. Gantet C. Une paix religieuse en 1648 // Bulletin de la Société de l'Histoire du Protestantisme Français. 1998. № 1/2. P. 471–488.
5. Link C. Die Bedeutung des Westfälischen Friedens in der deutschen Verfassungsentwicklung: Zum 350jährigen Jubiläum eines Reichsgrundgesetzes // Juristen-Zeitung, 1998. № 1. 9 Januar. S. 1–9.
6. Schmidt G. Der Westfälische Friede als Grundgesetz des komplementären Reichsstaats // 1648: Krieg und Frieden in Europa. Bd. 1. Münster: Bruckner, 1998. S. 447–454.

M. P. Belyaev

The Legal Category of Tolerance in the Constitutional Acts of the Holy Roman Empire

The idea of tolerance dates back to the era of the Reformation and confessionalization. The article examines the development of the legal category of tolerance from M. Luther and the Augsburg religious peace of 1555 to the Peace of Westphalia in 1648. The legal category of tolerance is reflected in these most important constitutional acts of the Holy Roman Empire. Formulas for interconfessional compromise were found in the norms of these agreements. Citizens received the right to worship at home. The imperial constitution allowed for denominational pluralism. In some German principalities, religious freedom has become the basis of religious policy.

Keywords: the religious peace of Augsburg; pluralism; confession; tolerance; the peace of Westphalia.